

МУЖЧИНЫ В ДОМЕ

Все герои новой книги¹ благовещенского писателя Николая Фотьева — мужчины. Они близки и понятны своей нешумной любовью к людям и земле, высокой ответственностью за повседневные дела на том участке земли-кормилицы, с которого начинается Родина. Рано они узнали радость труда, вкус и цену хлеба, а потому отношение у них к человеку и его делу одно — государственное.

На мой взгляд, лучший из семи рассказов сборника — «Трава-мурава». Это тонкое, волнующее описание возвращения человека в детство, на землю отцов. Только литературно одаренный человек, чуткий к народному слову, мог так точно передать щемящую боль воспоминаний, слышный сердцу зов земли.

Интересное осмысление получила проблема переселенчества в рассказе «Странники». Прав автор, дело не в том, чтобы привезти к нам, на Дальний Восток, необходимые рабочие руки, надо так организовать жизнь и труд человека, чтобы держали его здесь не рубль, а тепло человеческое и внимание.

Рассказы «Находка», «Семкин сон», «Мужчины в доме» подтверждают, что писатель имеет все данные для создания ув-

---

¹ Николай Фотьев. Мужчины в доме. Повесть и рассказы. Хабаровское книжное издательство (Благовещенск), 1971. 188 с. Тираж 30 000 экз. Цена 31 коп.

лекательных произведений для детей. Привлекает доверительный тон рассказчика, хорошее знание темы и глубокое уважение к читателю.

Немало уже написано о председателях колхозов. А каков он наш, дальневосточный «пред», чем обеспокоен, против кого «воюет»? Не обошел вниманием его и Николай Фотьев. Однако, к сожалению, фигура председателя Алексея Ивановича («Запасные педали») отмечена штампом, традиционна, и конфликт Алексея Ивановича с заместителем председателя райисполкома (как принято писать: «недалекого человека») явно надуман: не понятно, как собрался «быт переустраивать на современный лад» положительный председатель, а делом десятым считает строительство Дома культуры в колхозе? Потому на него и «давят» руководящие товарищи, но председатель побеждает... А добро ли победило? Менее удался, на мой взгляд, и рассказ в «В распутицу».

Вторую половину книги занимает повесть. Название у нее короткое и... необычайное — «Шиповник». Как просто называется, так просто и сказывается.

...Герой повести Пашка Тримасов возвращается из не столь отдаленных мест. Два года отсидел, так, за пустячок... Ну, напился до чертиков двадцатилетний парнишка, пошумел с друзьями. Когда дядя сказал ему: «Вон из вокзала!», поклонился вежливо да и послал персону эту на три известных буквы». Понятно, подоспели общественники, стали помогать компании шумной ретироваться из общественного места, и тут Паша, как первоурядник по боксу, все той же персоне хорошенько врезал, а она — «салазки вверх».

«Судили не больше часу. Потом в колонию препроводили». Там и познакомился Пашка с сердечным стариком, он тоже сидел за пустячок — «чуть не весь институт спалил». Душевный старик, преподавателем работал. Для Пашки он был просто — Абрамыч. Однажды старик ошибся и вместо чая приготовил чефир, а сердце, оно-то не из камня — умер старик. Пашка в память о нем в мерзлую землю посадил в жилой зоне шиповник, и с той поры пристало к нему прозвище — Шиповник. После удачного опыта садовода Пашка перешел к огородничеству: посадил рядом с шиповником огурцы, все заключенные любовались молоденькими огурчиками, «похожими на бурундучат», и никого даже не тянуло выдрать их с корнем. А когда в зону пронесли водку «зэки» и потребовалась закусь — попросили ее вежливо и стыдливо у Пашки..

И вот поезд мчит Пашку к новой жизни. Назад пути не было. Уходя из зоны, клялся: «Ребята! Не ждите!»

Для начала поехал к Вале. Он ее ни разу не видел, если не считать портрета в газете. Она депутат райсовета, передовая доярка. Все дружки из колонии кому-то писали письма, решил и Пашка Вале написать. Сначала не хотел, а потом ее «ши-

роко, подробно вообразил», и неудержимо рука потянулась к перу.

«Валя получала (письма. — Н. У.) и читала, как художественную литературу, подругам показывала, да потом от них отбоя не было: нет ли новых?» Но от Вали он ушел и от родной бабушки ушел. Пашка искал себя, старался не «сорваться». Однажды все же одному дураку (так уж получилось, что они его всю жизнь окружали) крепенько поддал. Напрасно дрожал, пронесло, и говорили потом в райгородке, что «жена пострадавшего будто бы даже довольна была».

Незачем пересказывать все мытарства Пашкины, хождения, любовные, философские рассуждения. Ясно одно: со старым он завязал наглухо. Снова стал после любимой работы баловаться спортом, живописью, стихата пописывал даже: «И все мне хотелось плакать, прижав к дорогой груди».

Только к самому концу повести автор помог ему исправиться окончательно. Пашка закончил техникум, поступил в институт да и в руководящие товарищи пробился, а все потому, что «работал как бешеный».

Вот и вся повесть о трудном, мучительном пути Пашки в жизнь. Прямо сказать, повесть не получилась. Почему? Сразу и не скажешь. Бывает что-то хорошо, что-то плохо, а тут, на мой взгляд, тот случай, когда с публикацией повести не надо было торопиться и автору и издательству. Написана она легко, свободно, но не жизненно — ложный тон повествования, хитроумные ситуации, а самое главное — ложный герой: ни слову его, ни делу читатель не верит, какой-то он уж очень во всем скользкий, легковесный. В чем был убедителен автор в большинстве рассказов, в том он оказался бессилен в повести.

И все же, несмотря на явную неудачу повести, новая встреча с Николаем Фотьевым принесла немало минут приятных и полезных. Верить в то, что неудачи повести он сумеет по-настоящему осмыслить, и это приведет к созданию новых интересных произведений о нашем современнике.

Н. УЛАЕВ

ЛЕГЕНДАРНАЯ СЕРОГЛАЗКА

На Камчатке вот уже более ста лет бытует не то былль, не то легенда, которая настолько правдоподобна, что, возможно, она действительно является доподлинной историей.

В 1854 году в Авачинскую бухту вторглась военная морская эскадра англо-французов. Вот тогда-то и случилось все это.